

Институт
Современного
Развития

**«Российская экономика –
требуется ресурсный маневр»**

Москва

Май 2012

Май 2012

АВТОР

Масленников Никита Иванович, советник Дирекции по социально-экономическим проблемам развития Института современного развития

Оглавление

<i>Российская экономика – требуется ресурсный маневр</i>	3
<i>I. Экономические прогнозы и нефтегазовые развилки</i>	4
<i>II. «Приключения» глобального контекста</i>	17
<i>III. Ресурсные экономики в переструктурировании глобального роста</i>	26
<i>Fortis imaginatio generat casum.</i>	34

В докладе использованы материалы, любезно предоставленные руководителем департамента информационно-аналитических программ Центра политических технологий М.Ю.Войтенко.

Российская экономика – требуется ресурсный маневр

В 1990-е годы от экспорта жидких углеводородов Россия получила \$200 млрд., в «нулевые» - уже более \$2 трлн. Щедрые нефтегазовые валютные «осадки» продолжаются и в начале «десятих». По итогам первого квартала 2012 года доля продукции ТЭК в российских продажах на внешних рынках добралась почти до 75%. Прямое следствие этого – нарастание зависимости бюджета от соответствующих поступлений. Если в начале века доля нефтегазовой компоненты в бюджетных доходах составляла «скромные» 24,7%, в 2004 году – 30,2%, то в 2011-м – 49,7%. Вслед за ростом мировых цен на нефть поступательно увеличиваются сборы от НДС. По итогам января-февраля текущего года (408,1 млрд. рублей) они более чем в 1,8 раза превысили уровень двух первых месяцев 2011 года и составили чуть больше 31% от всех доходов, администрируемых ФНС.

Приток нефтегазодолларов позволил сформировать суверенные фонды РФ (совокупные объемы Резервного фонда и Фонда национального благосостояния составили соответственно 1826,62 млрд. рублей и 2 624,78 млрд. рублей по состоянию на 1 апреля 2012 года), которые весьма существенно амортизировали кризисную «посадку» российской экономики в 2009-2010 годах. Абсолютно необходимые расходные обязательства, принятые в эти годы, однако, породили инерцию их последующего наращивания, заметно усилив риски неустойчивости бюджетной системы. В 2006 году федеральный бюджет мог быть сведен без дефицита при цене нефти \$24,6 за баррель, в 2011-ом профицит достигнут при среднегодовых \$101 за баррель, в 2012 году цена сбалансированности заметно выше – \$116 за баррель.

Устойчиво высоким, кратно превышающим докризисный уровень остается и нефтегазовый дефицит бюджета: до середины 2000 годов этот показатель не превышал 3,5% ВВП, в 2009-ом он вырос до 13,7%. Потом он начал постепенно снижаться и в 2011-ом достиг 9,5%. Однако в текущем году Минфин ожидает его повышения до 10,6% ВВП. Только в январе-феврале, когда, согласно расчетам Economist Intelligence Unit, расходы федерального бюджета выросли на 45%, доходы от нефти и газа – на 47%, нефтегазовый дефицит за их вычетом достиг 15,7% ВВП. Оценка нашей российской Экономической экспертной группой на этот же период более комфортна – 12,3% ВВП. Но тоже весьма тревожна, поскольку лишь подтверждает тенденцию.

Минфин ранее признавал, что видит безопасный уровень нефтегазового дефицита в 4-5% ВВП. Этот же диапазон предусматривает в своих рекомендациях МВФ, призывая РФ начинать снижение показателя уже в 2012 году за счет сокращения субсидий

и налоговых льгот и стремиться к доведению его до уровня в 4,7% ВВП к 2015 году. Тем не менее, расчеты правительственных финансистов пока, в условиях, когда резкое сокращение расходов невозможно, не дают оснований для оптимизма: на 2013 год – 10,3%, 2014-й – 9,1 процента, 7-8% оказываются достижимы лишь к 2020 году.

Еще одна существенная сторона проблемы нефтегазовой зависимости высвечивается в том, что по мере ее усиления и, соответственно, крепнущего тяготения власти решить все вопросы наращиванием расходов, по сути дела либо свернутыми, либо усеченными, либо вовсе не начатыми оказались востребованные временем структурные реформы.

В 2010-2011 годах стало очевидно, что сложившаяся экономическая модель себя исчерпала. Анатомия развилки на пути к новым парадигмам роста и социальной политики, описанная в Стратегии-2020, ныне в переводе с экспертного языка на правительственный предстает в виде разнообразных маневров – «бюджетного», «налогового», «пенсионного» и т.п. Достаточно ли их «суммы» для того, чтобы слезть с сырьевой иглы, все еще большой вопрос, поскольку за скобками разрабатываемых «дорожных карт» остаются качественные трансформации в самом нефтегазовом секторе и немалом числе связанных с ним отраслей. *Внятной государственной стратегии на этом поле, к сожалению, не просматривается, а существующие «генпланы» и «схемы» развития отраслей и территорий не увязаны в единую систему.* Между тем, актуальность этой задачи нарастает как по мере обострения структурных проблем в самом российском ТЭК, так и по ходу начавшегося перебалансирования общемирового экономического роста.

I. Экономические прогнозы и нефтегазовые развилки

Избранный президент Владимир Путин первым своим указом пообещал обозначить «дорожную карту» по решению вопросов, «которые имеют стратегическое, принципиальное значение и связанные с нашими историческими перспективами как нации». Речь идет о демографической состоятельности России как государства, обустройстве территориального пространства, создании новых и качественных рабочих мест, построении новой экономики, укреплении позиций страны в мире. При этой главной по важности задачей в совокупности всех непростых внутренних и внешних обстоятельств остается именно продвижение к новым рубежам в развитии устойчивого российского рыночного хозяйства, способность демонстрировать качественный рост в условиях жесткой конкуренции при неутрачиваемой глобальной турбулентности.

Между тем, имеющийся в наличии фундамент для этого, несмотря на фанфары отчетов и реляций, довольно неустойчив. Как написал однажды Булат Окуджава, «над победами нашими встают пьедесталы, которые выше побед». По мнению большинства экспертов, 4,3% роста ВВП в прошлом году – это почти предел максимально возможных темпов при сложившейся структуре экономики и статус-кво в состоянии ее институтов и форматов регулирования. *Для исполнения модернизационной повестки, открывающей национальную историческую перспективу, нужна и другая размерность темпов – от 5,5% и выше, и их иное качественное наполнение на основе роста производительности труда и инвестиций от 10-12% в год.*

В начале пути к новой экономической модели вовсе не лишне взглянуть без шор на близкие к исчерпанию возможности ныне существующего хозяйственного устройства. Повод к тому во второй декаде апреля дало Минэкономразвития, сначала скорректировавшее прогноз на 2012-2014 годы, а затем и предложившее сценарные условия развития до 2030-го. Что касается текущего года, то повышена среднегодовая оценка ожидаемой цены нефти до \$115 за баррель, соответственно на треть вырос прогноз внешнеторгового сальдо, в 1,6 раз до (\$83 млрд.) профицита счета текущих операций, среднего за год курса рубля – номинального до 29,2 рублей/\$ (против 31,1 рублей/\$ в предыдущем варианте), реального его укрепления – на 4,4% вместо 0,2%, заявленных ранее.

Ниже запланированной планки в 1,5% ВВП сложится и дефицит бюджета. По мнению замглавы МЭР Андрея Клепача, он составит, скорее всего, 0,5% ВВП¹. Напомним, что министр финансов Антон Силуанов в апреле вновь подтвердил – 1% ВВП от дополнительных нефтегазовых доходов будет направлен в Резервный фонд.

По версии Минэкономразвития, в 2012 году потребительский спрос будет расти быстрее, чем ожидалось на 1,1%. Прогноз увеличения оборота розничной торговли повышен с 5,5% до 6,6% (оценка на 2013 год – 5,0%, на 2014-й – 5,6%). Темпы же промышленности и инвестиций снижены: в 2012 году с 3,6% до 3,1% и с 7,8% до 6,6% соответственно, в 2013-ом – с 3,8% до 3,4% и с 7,1% до 6,4%, ожидания от 2014 года практически не изменились – 4,1% и 7,3%. Без изменений оставило министерство оценки инфляции – 5-6% в 2012 году; 4,5-5,5% - в 2013-ом; 4-5% - в 2014-ом.

---

¹ По данным Минфина РФ, в марте 2012 года дефицит федерального бюджета снизился на 124,02 млрд. рублей (на 51%) до 121,32 млрд. рублей (0,9% ВВП) по итогам первого квартала с 245,34 млрд. рублей в январе-феврале. При этом в марте профицит бюджета составил 78,4 млрд. рублей или 1,7% ВВП против дефицита в 226,9 млрд. рублей или 5,2% ВВП, который сложился в феврале 2012 года.

Что же касается ВВП, то он не потерял своих предполагаемых позиций лишь в 2014 году. Оценка 2013-го снижена с 3,9% до 3,8%. Перспективы года нынешнего заметно хуже – вместо 3,7% лишь 3,4%. Главная неприятность из всех этих выкладок – предстоящая минимум двухлетняя стагнация инвестиционного спроса. С другой стороны, это нужно расценивать и как достоинство работы, проделанной Минэкономразвития: прогноз – честное зеркало российских инвестиционно-климатических условий.

Что касается сценариев-2030 – пока это рабочий вариант, «денно и ночью» уточняемый с Минфином и Банком России. При этом рассматриваются два основных сценария – инновационный и энерго-сырьевой. Причем оба строятся вокруг того, как и с какой скоростью будут происходить структурные и институциональные изменения в экономике, естественно, с учетом маневра в бюджетной политике.

В рамках энерго-сырьевого сценария с годовыми темпами в 3,5-3,6% вклад ТЭК в ВВП, бюджет и формирование доходов не снижается. При этом другие сектора сохраняют отставание от развитых стран. Development же экономики будет происходить за счет импорта технологий, расходы на науку не превысят 2% ВВП. Доходы населения и экономики в целом вырастут к 2030 году всего вдвое, доля России в мировом ВВП составит 3-3,1%.

В инновационном сценарии темпы роста заметно выше – 4,4% в среднем за период, что будет достигаться за счет более быстрого увеличения инвестиций. Норма накопления капитала должна подняться с нынешних 21% до 30% в 2030 году. При этом наряду с более динамичной модернизацией добывающих отраслей, транспортной и энергетической инфраструктуры возникает и формируется конкурентоспособный инновационный комплекс, включающий в себя сектор генерации знаний, высокотехнологичные производства и сервисы в промышленности и сфере услуг.

Сценарий инновационного развития (с переходом к нему в течение 6-8 лет) предполагает, что частные и государственные расходы на здравоохранение повышаются с 4,6% ВВП в 2010 году до 5,9% ВВП в 2020 году и до 7,1% ВВП в 2030 году, расходы на образование – соответственно до 6,3% и 7,0% ВВП (в 2010 году – 5,2% ВВП). Расходы на науку возрастают с 1,2% ВВП в 2010 году до 3,0% ВВП в 2020-2030 годах.

На основе роста доходов населения с сегодняшних 48% от уровня еврозоны до 90-95% к 2030 году расширяется средний класс. К концу прогнозируемого периода он должен составить 48% населения².

По сравнению с энерго-сырьевым сценарием удельный вес РФ в мировой экономике увеличится до 5-5,5%. Однако за ускоренные темпы роста придется

---

² К среднему классу в МЭР относят людей с доходами не ниже шести прожиточных минимумов.

«заплатить» устойчивым дефицитом бюджетной системы в 1,5-2,0% ВВП и увеличением госдолга до 20-25% ВВП.

Разница между сценариями не принципиальна, поскольку в обоих случаях перезагрузка институционально-регулятивной среды в РФ и сокращение присутствия государства в экономике остаются как бы «за кадром». Реальный выбор здесь видится, по метко-саркастическому определению эксперта «Эпицентра» Алексея Михайлова, к ответу на вопрос: «Вам арбуз с вырезом или без?». Между тем, суть развилки в том, кто будет в прогнозируемом периоде производить ВВП – госкорпорации или частные компании?

Пока же «сценарные противоположности» сходятся как минимум дважды. Во-первых, у них общая точка отсчета – продолжающаяся «макродискомфортная устойчивость» вяло-безрадостного роста, пребывающего в условиях существенных институциональных ограничений. Мартовская статистика Росстата (при давно известной склонности ведомства считать, что стакан не наполовину пуст, а ровно в половину полон) знаковых перемен трендов не обнаружила.

Таблица 1-1

Основные экономические и социальные показатели

	Март 2012	В % к		I кв. 2012 в % к I кв. 2011
		марту 2011	февралю 2012	
Валовой внутренний продукт, млрд.рублей	54585,6	104,3		
Индекс промышленного производства		102,0	107,0	104,0
Оборот розничной торговли, млрд.рублей	1631,3	107,3	106,9	107,5
Объем платных услуг населению, млрд.рублей	464,7	102,0	104,0	102,5
Инвестиции в основной капитал, млрд.рублей	601,4	104,9	107,4	111,2
Индекс потребительских цен		103,7	100,6	103,9
Реальные располагаемые денежные доходы		102,8	99,8	102,6
Среднемесячная реальная заработная плата		112,6	109,4	111,7
Общая численность безработных, млн. человек	4,9	91,1	101,0	86,7

Источник: Росстат

Очевидный позитив с безработицей и инфляцией продолжает сосуществовать с успехами торговой розницы, решающим образом завязанной на экспансию потребительского кредитования, слабыми темпами роста промышленности и инвестиционного спроса (приросты последнего объясняются, прежде всего, сезонностью в динамике строительства и выходом сектора на докризисные рубежи) и торможением реальных располагаемых доходов населения (несмотря на выраженное увеличение реальной заработной платы). Заметим, что данные Росстата носят предварительный характер и будут затем скорректированы (как правило, в сторону понижения) Минэкономразвития и экспертными оценками.

Результаты эти, однако вряд ли смогут «отменить» главные риски устойчивости роста-2012, лежащие на стороне регулятивных практик. Это вероятное ускорение (со второго полугодия) роста цен (в марте-апреле они прибавили по 0,6%). Это и некоторое усиление факторов, оказывающих давление в сторону укрепления рубля, среди которых главный – «капризы» ее величества цены Urals (падение «настроения» при сохраняющемся оттоке капитала будет толкать рубль вниз, поднимая тем самым и антиинфляционные «якоря»).

Другой важный риск – объективные пределы бюджетного стимулирования (по существу решающей причины роста ВВП в первом квартале текущего года) и сроки, необходимые для включения такого драйвера роста, как частные инвестиции. Ожидания обещанных структурных реформ, бесспорно, укрепляют потенциал расширения мотиваций к инвестированию. В то же время, субъектам экономики и участникам рынков принципиально реальное содержание системных действий по изменению делового климата. Однако в этом плане ситуация за последние месяцы мало прояснилась.

Отправной точкой для выработки пакета необходимых решений мог бы стать проект Стратегии-2020. Обсуждения на этот счет идут жаркие. И все еще вовсе не очевидно, какой именно подход к новой модели возьмет верх. С одной стороны, вроде бы ясно, что без структурных реформ потенциал дополнительного российского роста едва превышает 0,5% ВВП. В то же время, в коридорах власти достаточно популярна точка зрения, что самое важное – это подстегнуть экономическую динамику (причем не так уж принципиально за счет чего – гособоронзаказа, госинвестиций, дополнительных бюджетных расходов и т.п.), следствием чего уже как бы станет автоматическая «подстройка» и улучшение институтов. Фатальная уязвимость этой позиции в том, что в рентоориентированных экономиках (Россия тому типичный пример) плохие и некачественные институты демонстрируют повышенную устойчивость и выживаемость.

Сохранение здесь (по умолчанию) статус-кво по сути, как уже было отмечено, объединяет оба долгосрочных сценария МЭР. Другое поле их пересечения – допущение, что цены на нефть будут расти примерно на 1% в год. Баррель Urals будет стоить в 2020 году \$122, к 2030-ому – \$152³.

В целом подобные предположения укладываются в уже известные базовые (преимущественно консервативные) варианты прогнозов международных организаций и компаний-лидеров на этом рынке. «Ахиллесова пята» расчетов МЭР, однако в том, что не учитывается вероятность негативных шоков, связанных с понижением нефтяных цен. Так, длительное время рост мировой добычи отставал от спроса, вместе с тем, последние несколько недель предложение нефти идет с превышением относительно заявок потребителей. Поэтому ценовые «ощущения» Минфина РФ по меньшей мере на ближайшие три года, на наш взгляд, пока выглядят предпочтительней.

График 1-1

Источник: Минфин РФ

Заметим, что в МВФ уверены – на данном временном горизонте сырьевые цены так резко, как в «нулевые» годы расти не будут (за десять лет стоимость нефти и основных металлов увеличилась втрое). При этом повышательных флуктуаций может быть меньше, чем скачков вниз. Основная тому причина – реструктурирование глобального роста. И далеко не случайно в апрельском докладе МВФ World Economic Outlook целая четвертая

³ Согласно оценкам международных энергетических организаций, по базовому сценарию мировой спрос к 2030 году увеличится в 1,3 раза, при этом в Европе на 7%, Японии – на 25%, в Китае – в 1,8 раза.

глава посвящена тому, как экспортерам сырья избежать кризиса, когда в мировой экономике начнется новый цикл с понижением цен.

По версии экспертов Фонда, типичное снижение цен на биржевые товары длится 2-3 года и составляет 40-50%. Потери реального ВВП у ресурсных экономик насчитывают при этом 0,5-1,0% ВВП в год. Они, впрочем, могут быть и существенно выше – все зависит от глубины и продолжительности падения рынков. Рецепт МВФ в противостоянии подобным шокам стандартна: накопление экспортных доходов в резервных (суверенных) фондах, сохранение налоговой нагрузки, более гибкий обменный курс и экономика, открытая для инвестиций и потоков капитала.

Если в случае с нефтью и металлами сумма ценовых прогнозов все же дает некий тренд, исходя из которого можно принимать регулятивные решения, то с газом ситуация много неопределеннее. Вокруг сжиженного природного газа возникает новый глобальный рынок с пока еще не вполне ясными принципами и трендами ценообразования, не связанными (как при «трубном» газе) с конъюнктурой рынка нефти. Российская доля в газовом споте невелика – 5% в АТЭС. Между тем, уже к 2016 году здесь ожидается структурная революция – чистым экспортером сжиженного газа становятся США, совершившие в последние несколько лет серьезный технологический прорыв в нефтегазодобыче. По мнению аналитиков Citibank, в начале «двадцатых» США могут стать самодостаточными по нефти и чистым ее экспортером.

Такие допущения (причем вполне реалистические), естественно ставят под вопрос жесткую детерминированность существующих ценовых прогнозов. *Очевидно, что структура глобальных рынков нефти и газа претерпит радикальные изменения. Ясности же, на каких ценовых уровнях это будет происходить, к настоящему времени нет.*

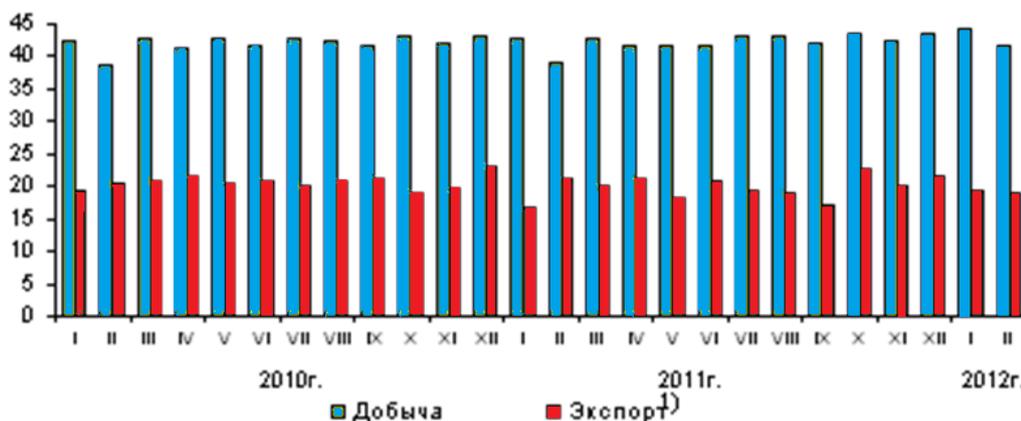
Казалось бы, будущее российского ТЭКа самым непосредственным образом зависит от вписывания в эти рыночные трансформации, поскольку *существующий инновационно-технологический и инвестиционный потенциал добычных и связанных с ними перерабатывающих отраслей позволяет воспользоваться «окнами» возможностей. Но, как видится, «окна» там, а мы здесь: оба сценария МЭР фатально едины в недооценке именно как этого потенциала, так и эффекта от адекватной государственной политики, которая была бы направлена на его наиболее полное раскрытие.*

В итоге даже так называемый инновационный сценарий без внимания оставляет своего рода качественное «перерождение» нефтегазовой зависимости: если ранее добыча и экспорт жидких углеводородов были мощным средством решения многих проблем (прежде всего, социальных), то теперь *состояние сектора чем дальше, тем больше*

превращается в острую общеэкономическую и, в первую очередь, инвестиционную проблему.

Диаграмма 1-1

Динамика добычи экспорта нефти⁴
млн. тонн

¹⁾ включая данные по взаимной торговле с Республикой Беларусь и Республикой Казахстан (с июля по декабрь 2010 года и с марта по декабрь 2011 года – без учета экспорта в Республику Казахстан)
Источник: ФТС, Росстат

Примечательно, что Минэкономразвития пересмотрело прогноз экспорта нефти в 2012 году, снизив его на 6 млн. тонн – с 243 млн. тонн до 237 млн. тонн. Оценка экспорта нефтепродуктов, напротив повышена со 124,4 млн. тонн до 130,4 млн. тонн. В 2013-2014 годах продажа нефти на внешних рынках стабилизируется на уровне 238-240 млн. тонн, нефтепродуктов же сократится на 10 млн. тонн⁵. При этом прогнозы добычи сырой нефти остались без изменения – 510 млн. тонн. Причем этот объем сохранится неизменным на весь период 2012-2030 годов.

Заметим, что поддержание этого уровня потребует не менее \$700 млрд. инвестиций. И это – еще весьма консервативное предположение, исходящее из текущих параметров вложений, когда в год в российской нефтянке затраты капитала составляют \$40-44 млрд. (в среднем \$85 на тонну добычи). Подобные объемы требуемых финансовых ресурсов уже сами по себе заставляют задуматься о неотложной необходимости изменений в регулятивной среде, направленных на то, чтобы вместо экстенсивного

⁴ Для справки: в феврале ежесуточная добыча нефти в РФ составила 9518 тыс. баррелей, в странах ОПЕК – 30968 тыс. баррелей, из них в Ираке – 2694 тыс. баррелей, в Саудовской Аравии – 9662 тыс. баррелей.

⁵ Речь идет, прежде всего, о так называемых темных нефтепродуктах (мазутах и т.п.). Эксперты в таком сокращении видят результат известной системы пошлин 60/66/90.

расширения добычи она стимулировала повышение ее эффективности⁶ и последовательную диверсификацию нефтегазового комплекса.

Между тем, географические и геологические условия новых месторождений, будь то арктический шельф, Баженовская свита или матричная нефть в Оренбургской области, становятся все более сложными. Каждые новые тонну или 1000 м³ природного газа уже не «взять» без новых технологий добычи и повышения энергоэффективности инфраструктуры и логистики. Все это требует дополнительных вложений. Никак не меньшие инвестиции (в том числе для создания качественных рабочих мест) необходимы для развития переработки сырья, производства оборудования, подготовки кадров и т.п. Структурный эффект от новых добычных технологий для сопряженных отраслей⁷, то есть реальная диверсификация экономики далеко не в полной мере учитывается даже в вышеупомянутом инновационном сценарии. В нем глубина переработки нефти до 91% (нынешнего среднего показателя для стран OECD) возрастет лишь к 2030 году, равнодоходность внутренних и внешних цен на газ достигается не ранее 2021 года и т.п.

По мнению экспертов, сроки решения большинства застарелых секторальных проблем сильно завышены против тех, что диктуются уровнем ужесточающейся глобальной конкуренции. Между тем, уже в самые ближайшие годы РФ придется столкнуться с увеличением предложения нефти в мировой экономике; становлением нового рынка сжиженного природного газа, возникающего за пределами зоны действия долгосрочных контрактов; и, пожалуй, самое главное – с гонкой новых материалов (прежде всего, композитных и неметаллических) как важнейшей составляющей новой технологической волны. В связи с этим принципиально важными становятся и сроки, и содержание модернизации самого ТЭКа, которой *необходим собственный инновационный сценарий перекомпоновки и достройки всей «нефтегазовой вертикали»*. *Замысел предназначения такого «ресурсного маневра» предельно ясен: соотношение объемов добавленной стоимости при добыче первичного углеводородного сырья и седьмом-восьмом его переделах составляют 1:100-120.*

---

⁶ В февральском докладе Всемирного фонда дикой природы «Государственная поддержка нефти и газа в России: какой ценой?» объем стимулирующих мер, включая операторов СРП, оценивается в \$20 млрд. в год. Это в разы больше, чем в США, Канаде и Норвегии. Между тем прироста эффективности добычи не наблюдается: коэффициент извлечения нефти падает (в 2009 году, считают в фонде, в среднем по России он составил 20%, в США – 35%, для нефтегазоносной провинции Северного моря – 46 процентов. Вместе с тем, как показывают расчеты, повышение российского коэффициента лишь на 5% могло бы привести к увеличению начальных извлекаемых запасов на 4 млрд. тонн.

⁷ Наглядный пример тому – действующий с 2007 года на побережье Баренцева моря Варандейский терминал, выдерживающий напор льда толщиной в полтора метра. Для этого потребовалось найти нетривиальные решения по сверхпрочным сталям, уникальному портовому и производительному оборудованию и т.п.

Активная структурная политика, основанная на безоговорочной поддержке частных инвестиций, начинаясь с нефтегазодобычи должна затем продолжиться в нефтегазопереработке (включая утилизацию попутного нефтяного газа, многие десятки миллиардов м³ которого до сих пор сжигаются в факелах) и нефтегазохимии и выходить на финишную прямую в химкомплексе и специальной химии как основы всей фармацевтической промышленности и ряда других высокотехнологичных отраслей⁸.

Без отстраивания всей этой цепи, финальные звенья которой по сути предстоит создать заново, вписывая их при этом (как, например, химиндустрию) в жесткие условия ВТО, о суверенитете в сфере «новых материалов» можно просто забыть. К сожалению, именно эти структурные сдвиги, по-прежнему, лишь по касательной учитываются разработчиками маршрутов в светлую инновационную даль.

Впрочем, продвижения на отдельных направлениях все же есть. Пример тому состоявшаяся 19 марта презентация Минэнерго «Плана развития газо- и нефтехимии России на период до 2030 года» уже не как проекта, а действующего официального документа. Главным его результатом должно стать заметное расширение существующих и создание новых производственных мощностей по мономерной базе и полимерам (важнейшим «промежуточным» продуктам для химического комплекса⁹)

Реперные точки всей программы – создание шести кластеров: Волжского, Западно-Сибирского, Каспийского, Восточно-Сибирского, Дальневосточного и Северо-Западного. Критериями принадлежности предприятий к одному кластеру являются относительная территориальная близость, единая технологическая или логистическая инфраструктура, общие сырьевые источники и географически близкие рынки сбыта. Производственным ядром каждого кластера станут крупные пиролизные мощности с последующей линейкой производства пластмасс, каучуков, продуктов органического синтеза и конечных изделий.

Ожидается, что уже первая волна проектов модернизации газонефтехимии с учетом влияния на смежные отрасли (например, развитие необходимой транспортной инфраструктуры) даст эффект до 900 млрд. рублей в год. При этом будет создано до 80 тысяч рабочих мест. Благодаря вводу новых мощностей Россия может утроить свою долю

---

⁸ О «запущенности» ситуации можно судить хотя бы в связи с тем, что доля нефтехимии в отечественном ВВП составляет около 2%. В то же время, в Польше – 4,5%. От других ведущих нефтехимических держав (Китая, США, Индии, Республики Корея) РФ по этому показателю отстает на порядок. Сходное положение в газопереработке: доля поступающего в отрасль газа – 20% от добываемого. Тогда как в США, Норвегии, Катаре и ряде других арабских стран она выше 40%.

⁹ Например, пиролизные мощности по выпуску этилена к 2030 году должны вырасти в 4,8 раза. Потребление нефтехимического сырья (СУГ, нефтяной этан), избыток которого, не находящий применения в национальной экономике, явно ощущается в последнее время, увеличится в 4,3 раза (до 37 млн. тонн) При этом производство крупнотоннажных пластмасс возрастет в 4,9 раза, синтетических каучуков – в 1,4 раза и т.п.

в мировом производстве этилена (с 1,6% до 5,6%). Более 60% легкого углеводородного сырья к 2030 году будет направлено на глубокую переработку, в дальнейшие нефтехимические переделы (30,8% в 2010 году).

Примечательно, что разработчики плана воздержались от запросов на прямые госинвестиции. Роль государства они видят в совершенствовании техрегулирования (в том числе во введении соответствующих стандартов в отраслях-потребителях), развитии инфраструктуры, поддержке экспорта с помощью инструментов таможенно-тарифной политики, гарантировании и предоставлении экспортных кредитов, привлечении для создания кластеров ресурсов Внешэкономбанка и унификации существующих налоговых льгот. Понятно, что все эти пока еще «контурные дорожные карты» перезагрузки регулятивной среды еще предстоит сделать «топографическими».

Тем не менее, подвижка налицо. И она еще более актуализирует задачу создания в нефтегазовом секторе новой институциональной «обвязки», позволяющей в полной мере раскрыть его явно недооцененный инновационный потенциал и существенно увеличить вклад в реализацию российской модернизационной повестки (в том числе основательно скорректировав существующие финансово-затратные проектировки по наращиванию добычи). Помочь этому, в первую очередь, должны новые налоговые режимы, развитие техрегулирования (по оценкам экспертов, нормальное развитие комплекса требует наличия не менее пяти тысяч техстандартов, сейчас действуют чуть более 300), обновление подходов к государственному и корпоративному инвестиционному планированию, логистике и маркетинговым стратегиям, создание (по сути дела заново) в нефтегазовой сфере малого и среднего бизнеса.

Пожалуй, в наибольшей степени структурные перемены назрели в газовой отрасли. Наглядное свидетельство тому – недавнее обращение «Газпрома» в Правительство РФ об индексации в четвертом квартале его цен для промышленных потребителей на 26,3% (в дополнение к 15%, которые запланированы на июль¹⁰). Только так, уверены в компании, можно компенсировать 64 млрд. рублей выпадающих доходов от двукратного роста НДС с начала текущего года.

---

¹⁰ Если бы правительство согласилось с предложением «Газпрома», то среднегодовая цена газа в 2012 году на 17% превысила бы прошлогоднюю, составив \$137 за 1000 м³, почти вдвое выше биржевой цены США. Напомним, что в 2005-2011 годах НДС для газовой монополии не индексировался. За это время оптовые цены выросли как минимум вдвое, удвоилась и выручка концерна – до 3 трлн. рублей. Сейчас в России в зависимости от региона тарифы установлены в коридоре \$52-\$119 за 1000 м³ (для некоторых стран-импортеров цена составляет \$450 за 1000 м³). Себестоимость добычи в третьем квартале 2011 года составила \$27,63 (оценка East European Gas Analysis).

Реакция на эту инициативу, как и можно было ожидать, оказалась резко отрицательной как в потребляющих отраслях (прежде всего, у энергетиков), так и в правительственных структурах. Наблюдатели сразу же обратили внимание на угрозу развала всей новой конструкции тарифов для естественных монополий и возросшие риски ускорения инфляции, отметив, что внутренние проблемы «Газпрома» (отставание добычи от докризисного уровня, снижение экспорта, большое число непрофильных активов и т.п.), если откладывать их решение, вполне могут стать значимым фактором макроэкономической нестабильности.

Ответ Правительства РФ не заставил себя ждать. 23 марта на выездном совещании, посвященном поставкам газа, Владимир Путин заявил: «Мы ничего не планируем повышать сверх того, что было запланировано в прошлом году. Я понимаю, что имеет место рост нагрузки, повышение НДС, но резервы нужно искать в эффективности, а не в росте тарифов».

Основания для поиска, действительно, есть. В настоящее время у 15 субъектов РФ существует просроченный долг перед «Газпромом» в сумме около 110 млрд. рублей. Эти деньги, как подчеркнул Владимир Путин, застряли в разного рода коммунальных и прочих посреднических конторах. Поэтому срочно необходимы предложения по совершенствованию системы расчетов на всех этапах ценообразования, также как в электроэнергетике, рынок нужно очищать от всякого рода мутных и полукриминальных схем.

Другое обременяющее обстоятельство – значительные затраты на масштабные трубопроводные проекты (Северный и Южный потоки, Дальневосточный газопровод и т.п.), окупаемость которых составляет 10-15 лет. На деле речь идет о десятках миллиардов долларов¹¹. Возмещение таких геополитических инвестиций стало одним из основных вопросов налоговой политики. Логично было бы выработать стабильную на 5-7 лет формулу расчета НДС на газ, позволяющую изымать 80% доходов «Газпрома» от повышения внутренних цен. При достижении равнодоходности внутренних и внешних цен (что в принципе возможно в 2015-2018 годах) дополнительные доходы бюджета могут составить до 1% ВВП в год. Проблема в том, что меняется структура рынка газа в странах-партнерах, то есть, соотношение между долями потребления на основе долгосрочных контрактов и так называемого спотового рынка (в основном на базе

---

¹¹ Затраты по Южному потоку – \$16,5 млрд. (\$10 млрд. – морская часть, \$6,5 млрд. – наземная), по Дальневосточному газопроводу – \$10 млрд. Окупаемость нередко осложняется и вновь открывающимися обстоятельствами. Так, Nord Stream в ближайшее время будет загружен в лучшем случае наполовину. Причина – решение Евросоюза, согласно которому газопроводы NEI и OPAL, связывающие поток из России с газовой инфраструктурой ЕС, обязаны резервировать 50% их мощности под доступ других поставщиков.

сжиженного природного газа), уже практически независимого от цен на нефть. В этих условиях не вполне ясно, как сложатся в перспективе внешние цены, и на каком уровне будет достигнута их равнодоходность с внутренними. К тому же «Газпром» запаздывает с освоением спотового рынка. Здесь больше шансов у независимых производителей («Новатэк» и др.).

Замглавы Минфина РФ Сергей Шаталов уверен, что в текущем году никакой формулы создано не будет. Не определено пока и повышение НДС на газ в 2013 году. Не исключено, что индексация налога будет проходить ежегодно в «ручном режиме» на основе политических решений. Оно и понятно, выработать формулу невозможно без *структурной реформы самого «Газпрома», направленной, прежде всего, на его адаптацию к переменам на глобальных рынках газа.*

Вот и получается, нефтегазовая «игла» изрядно проржавела и грозит иммунодефицитом всему экономическому организму. Тем важнее и примечательнее разворот к реальной модернизации ТЭК, наметившийся в ходе разработки программ освоения российского континентального шельфа. Принятые решения о налоговом стимулировании компаний-участниц, четкая ориентация на привлечение прямых частных инвестиций (за 30 лет \$500 млрд. в добычу и \$300 млрд. в смежные отрасли) и создание до 400 тыс. новых рабочих мест позволяют двигаться дальше. Во-первых, устраняя несообразности в самой этой программе: без оставшегося пока «за шельфом» частного бизнеса две уважаемые госкомпании будут вынуждены (по оценке Минприроды) потратить для комплексного освоения арктических месторождений 165 лет! И во-вторых, распространяя заложенные принципы (например, 15-летнюю гарантию неухудшения налоговой нагрузки) на сектор в целом, состояние которого ныне таково, что государству придется возвращать на цели развития часть изымаемой сырьевой ренты.

Прообраз механизма этого трансферта, похоже, начинает складываться в рамках выработки правил обеспечения долгосрочной бюджетной устойчивости: после достижения Резервным фондом уровня в 7% ВВП, средства сверх этой планки могут направляться на крупные инвестиционные (инфраструктурные) проекты.

Как видим, начало пути к новой экономике все же может сопровождаться трезвой оценкой перспектив первых шагов. Факт, безусловно, положительный, поскольку мобилизующий к действиям, которые были нужны еще вчера. Основательно подталкивает к ним и ситуация, складывающаяся во всемирном хозяйстве.

II. «Приключения» глобального контекста

Российская экономика настолько прочно интегрирована со всеми «внешними обстоятельствами», что важнейшие структурные сдвиги в ней, которым предстоит состояться в ближайшие 8-10 лет, почти полностью определяются необходимостью адекватных ответов на вызовы международной конкуренции. Преодоление нефтегазовой зависимости, таким образом, приобретает еще одно принципиальное измерение – *корреляцию внутренних реформ с уже наметившимися главными трендами перестройки мирового хозяйства, которые будут определять его облик уже в среднесрочной перспективе*. От степени совместимости этих двух «повесток» самым непосредственным образом будет зависеть место страны в коллективном лидерстве в рах економіса.

Некоторые тенденции уже достаточно различимы. Так, явно усиливается доля развивающихся стран в мировом ВВП (по некоторым оценкам, к 2016 году она составит 54%), в их пользу в целом происходит перераспределение центров прибыли и финансовых потоков. Одновременно в качестве «проводников» этих процессов повышается роль транснациональных корпораций (их самочувствие, как правило, заметно лучше, чем у национальных экономик). В недрах текущего цикла (и это уже заметно) сжимается пружина новой технологической волны.

Нарастает острота и вышедших на историческую авансцену глобальных социальных проблем: более 200 млн. человек, не имеющих работы (при этом в ряде стран все более реальной становится угроза «потери» целого поколения молодых людей, вступающих в трудовую жизнь); старение населения и соответствующие тектонические сдвиги на рынках труда и в финансовых системах развитых экономик; взрывной рост «мирового среднего класса» (прогнозы предсказывают его увеличение к 2030 году на 3 млрд. человек с нынешних 1,8 млрд. человек), требующий перебалансирования глобального спроса и сопряженный со становлением новых моделей потребления практически во всех основных центрах мировой экономики.

Другие мейнстримы, например, в сфере международной экономической координации, еще только зарождаются. Все это общее «пространство» шансов и рисков как отдельных стран, так и их интеграционных объединений организуется вокруг главного вектора – *переосмысления парадигмы глобального роста и формирования его новой структуры*.

В развитой части мира рыночно-хозяйственная жизнь показывает первые признаки перезагрузки вокруг «нового потребления», завязанного на росте качества жизни и общей ресурсоэффективности. «Новый капитализм» все меньше требует высоких темпов роста в

привычном понимании увеличения ВВП, но все больше устойчивого развития, основанного на поступательном изживании финансовых дисбалансов и многочисленных социальных неравенств.

Развивающиеся экономики и страны с низкими доходами, напротив, нуждаются в высоких темпах (в традиционном понимании), поддерживаемых внутренним потребительским и, как следствие, инвестиционным спросом. Иначе сократить разрыв с развитыми странами не получается, да и не сложится¹². Кроме того, многие из лидеров этого «дивизиона» глобальной экономики уже попали в так называемую «ловушку средних доходов» [подробнее – см. ниже].

Устойчивая неравномерность темпов роста (иногда ее обозначают термином «декаплинг¹³»), похоже, становится визитной карточкой текущей фазы глобальных трансформаций и связанных с ними проблем. При этом *основные мировые экономические центры находятся как бы в разных фазах цикла*: США – хрупкое восстановление; Япония – начало аналогичного процесса, Еврозона – «дно» новой рецессии, Китай и вслед за ним почти вся развивающаяся Азия – «перегрев», переходящий в торможение.

Для восстановления кредитного цикла в развитых экономиках, а затем и общемирового экономического цикла, «картина», впрочем, не безнадежная. Инвестиции в основной капитал в США и зоне евро растут, показатели кредитной нагрузки на банки бьют рекорды по снижению, сохраняя тем самым потенциал быстрого выхода из credit crunch, долги домохозяйств и корпоративного сектора относительно низки (в США она вообще на десятилетнем минимуме), у американцев и европейцев наблюдаются положительные корректировки торгового баланса.

Однако сохраняются, а временами и усиливаются серьезные риски. По словам главы МВФ Кристин Лагард: «Мы можем видеть некоторые признаки оттепели ... но нам не следует вводить себя в заблуждение, создавая ложное ощущение безопасности. Мы вновь не должны терять бдительность».

Время расслабляться, действительно, не наступило, поскольку без ответа по-прежнему остаются по меньшей мере три серьезных вызова: продолжающееся давление на деловую активность в развитых экономиках запредельного объема государственных и

---

¹² В последние 20 лет страны с формирующимися рынками и развивающиеся страны обеспечили свыше 50% глобального роста. За это же время более 600 млн. людей вышли из состояния нищеты.

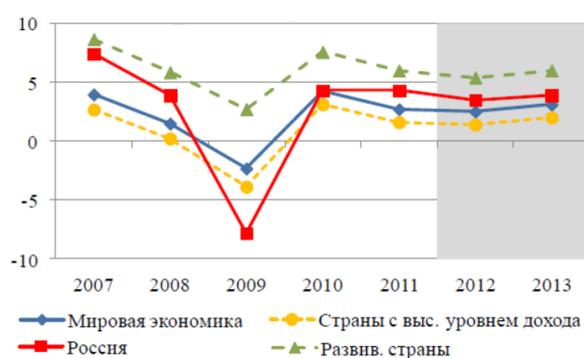
¹³ Decoupling – дословно разделение, разъединение [экономик]. Показательный пример – сохранение высоких темпов роста в одних странах в случае начала рецессии в других, несмотря на тесную связь их экономик. Впервые о «декаплинге» экономисты всерьез заговорили еще в 2001-2002 годах, после того как экономические трудности в США не привели к адекватному снижению темпов экономического роста в некоторых странах Азии, прежде всего в Китае.

банковских долгов; угрожающий глобальному росту уровень мировых нефтяных цен; увеличивающийся риск того, что динамика развивающихся стран окажется ниже привычных уже исторических трендов.

По скорректированному базовому прогнозу МВФ, мировая экономика в целом вырастет в 2012 году на 3,5% (январские оценки – 3,3%), в 2013-ом – на 4,1% (4,0%). Рост-2012 в развитых экономиках – 1,5%, в развивающихся – 5,5%. Во Всемирном банке более пессимистичны: мировой ВВП вырастет на 2,5%, ВВП группы развитых стран – на 1,4%.

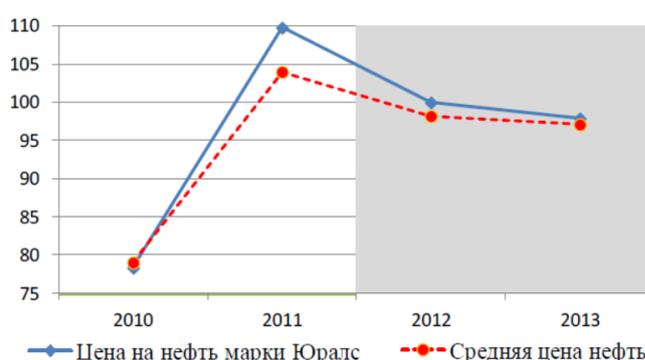
График 2-1

Прогноз роста ВВП в мире, %

График 2-2

Прогноз цен на нефть, \$ за баррель

Источник: Всемирный банк

Заметим, что, по мнению многих экспертов, прогноз нефтяных цен в версии Всемирного банка чересчур оптимистичен. Более вероятен (при условии увеличения добычи ОПЕК, сохранения бесперебойности поставок, использования стратегических запасов, переходе на более дешевый газ и т.п.) среднегодовой коридор \$105-115 за баррель. По сравнению с текущими уровнями нефтеценовое бремя во многих странах несколько сократится, но все же останется весьма существенным¹⁴.

Можно предположить, что продолжающийся рост (до 2,2%) в США¹⁵ будет дополнен повышательной динамикой в Японии (ожидаемый прирост 1,7-1,9% ВВП).

¹⁴ Среди аналитиков нефтяного рынка признано, что повышение цены барреля на каждые \$10 «отнимает» у потребителей \$320 млрд. Это означает, что с декабря 2011 года производители нефти заработали дополнительно \$500 млрд. В Goldman Sachs посчитали, что повышение цен на нефть за четыре последних месяца обойдется США и ЕС замедлением ВВП на 0,3%. При текущих ценах, полагает главный экономист МЭА Фатах Бируль, удельный вес затрат на импорт нефти в ЕС вырастет с 1,7% ВВП в 2000-2010 годах до 2,8% ВВП в 2012 году; в США – с 1,8% до 2,7%, в Китае – с 2,3% до 3,2%, в Японии – с 2,1% до 3,2%.

¹⁵ Ряд крупных инвестбанков (BNP, Deutsche Bank, Morgan Stanley) повысили прогноз роста ВВП США в первом квартале 2012 года с 1,2-2,0% до 2,2-2,8% в годовом выражении. Основанием явились: увеличение сводного опережающего индикатора экономической динамики (OECD CLI) до 102,5 п.п.; сохранение тенденции к росту опережающих индикаторов CSI и PMI; индекс потребительской уверенности University of Michigan (CSI) в феврале достиг 75,3 – наиболее

Основа последней – отложенный эффект преодоления последствий природных катастроф 2011 года, а именно восстановления инфраструктуры и жилья¹⁶.

Не исключено, что американо-японская синергия роста позволит в определенной мере компенсировать замедление китайской экономики (Госсовет КНР определил нижнюю границу на 2012 год в 7,5% ВВП) и начавшуюся, хотя и относительно слабую рецессию в Евростране.

В МВФ считают, что риск глобальной рецессии сейчас составляет 1%, для США и Японии вероятность нового спада – 15% и 14%. Для Европы – в разы больше – 55%.

График 4-3

Динамика PMI в Евростране

Источник: *Markit, HSBC*

В марте композитный индекс PMI в промышленности ЕС-17 вновь заметно снизился – с февральских 49,3 до 48,7 пункта. На 0,1 пункт после 94,5 в феврале уменьшился и сводный опережающий индекс делового и потребительского доверия (в зимние месяцы динамика была обратной). Более ощутимо «просел» индекс доверия бизнеса – с «-5,7» пунктов до «-7,2» пункта. По мнению экспертов, мягкая рецессия в ЕС-17 продлится еще не менее 3-5 месяцев. Еврокомиссия, исходя из тенденций января-марта, прогнозирует, что ВВП в Евростране в 2012 году сократится не менее чем на 0,3%.

высокого значения с февраля-2011; позитивные сигналы с рынка жилья – помимо продолжения снижения запасов (до 6,0 месяцев продаж) рост нового строительства составил 1,5% в годовом выражении.

Мартовский индекс потребительского доверия Bloomberg Consumer Comfort Index показал, что 34% граждан США уверены, что ситуация в экономике развивается в правильном направлении, в феврале таковых было 23%.

¹⁶ К настоящему времени утилизировано лишь 6% массы мусора, не начато строительство новых домов для 340 тыс. человек, не восстановлены многие технологические цепочки в промышленности и т.п.

Драйвер сгущения европейских рисков – *ожидаемые рецидивы обострения долговых проблем*. Правительствам и банкам Еврозоны в текущем году необходимо рефинансировать значительную долю своих долгов – около 23% ВВП ЕС-17. При этом только банкам в этих целях предстоит сократить объем активов на \$2,3 трлн., что может обернуться резким сжатием объемов кредитования.

По оценке экспертов МВФ, если политика евровластей окажется неэффективной, Еврозона за два года может потерять 4% ВВП. В числе пострадавших окажутся и развивающиеся страны из-за усиления оттока капитала.

Еще некоторое время назад казалось, что накачка ЕЦБ экономик Еврозоны дешевой (под 1% годовых) 36-месячной ликвидностью объемом свыше 1 трлн. евро и принятые решения по углублению финансовой интеграции¹⁷ позволили «купить время» для передышки, дающей возможность успокоить долговые и валютные рынки, преодолеть текущую рецессию и плавно начать необходимые и согласованные структурные реформы. Теперь, однако, все очевиднее: большая часть приобретенного времени, похоже, будет затрачена на борьбу с «греческим вирусом» в экономиках Испании и Италии¹⁸.

Основные слагаемые китайского риска (несмотря на продолжающийся рост) – поиск неспекулятивных источников развития в отличие от недвижимости и инвестиций в строительство; сроки и социальная цена перехода к экономической модели, ориентированной не на экспорт, а на внутренний спрос и, в первую очередь, потребление домохозяйств. Пока не включатся новые источники роста, риск замедления будет

---

¹⁷ 2 марта лидеры государств ЕС (за исключением Великобритании и Чехии) подписали Договор о стабильности, координации и управления в экономическом и валютном союзе, иначе называемый Бюджетным пактом. Многие наблюдатели расценивают этот факт, как поворотный момент в истории Евросоюза. Под валютный союз впервые подведена довольно жесткая фискально-бюджетная основа. Страны-члены ЕС приняли обязательства, согласно которым структурный дефицит бюджета не может превышать 0,5% ВВП (до 1% ВВП в случае, если госдолг страны ниже 60% ВВП).

Нарушители теперь могут быть оштрафованы по решению Европейского суда (на основании представления Еврокомиссии). Предельный размер санкций – 0,1% ВВП. Для членов Еврозоны штрафы зачисляются в ESM (Европейский стабилизационный механизм), для всех других – в общий бюджет Евросоюза. Новый договор также предписывает странам ЕС заранее обсуждать с партнерами масштабные экономические реформы и планы заимствований.

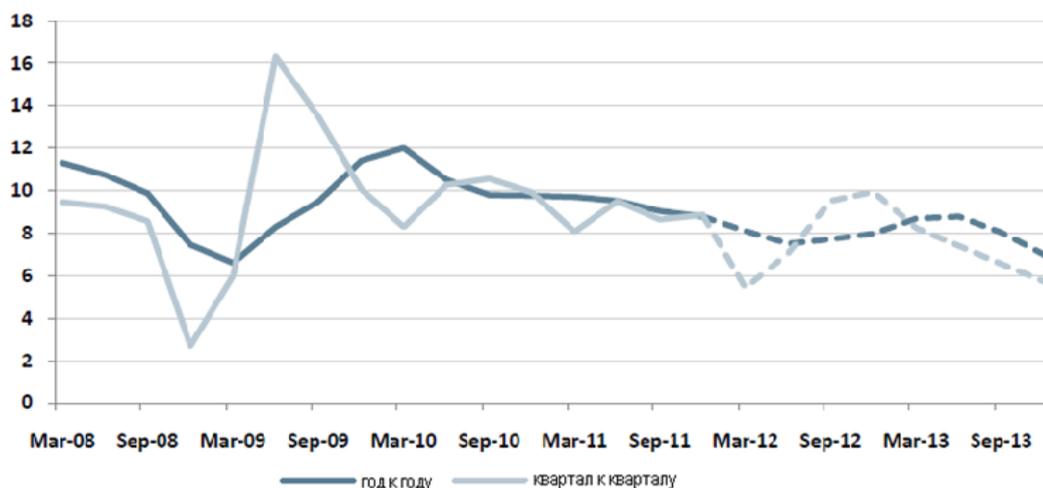
¹⁸ По прогнозу правительства, спад-2012 на Пиренеях составит 1,7% ВВП (оценка МВФ – 1,8% ВВП), в 2011 году был скромный рост в 0,7%. Безработица может достичь 25%, доля «плохих» кредитов уже составляет 8,16%, госдолг превышает \$700 млрд. (более 66% ВВП). В МВФ предупреждают – кризис усилится, если расходы бюджета станут сокращаться слишком активно. В правительстве страны уверены, если этого не делать (то есть снижать дефицит с 8,1% ВВП в 2011 году до 3% ВВП в 2013-ом), будет еще хуже. Между тем, денег для спасения Испании в ЕС-17 просто нет.

Ухудшилась ситуация и в Италии. В 2012 году ожидается спад на 1,2% (ранее предполагалось снижение на 0,5%, в 2011-ом был зафиксирован рост на 0,4%). Продолжается рост плохих кредитов – они составили 6,3%. Правительство страны заявило, что достижение бездефицитного бюджета переносится с 2013 года на 2014-й, это позволит вернуться на траекторию роста (0,5%) в следующем году.

актуализироваться в растущих запросах населения (особенно среднего класса), распространяющихся уже не только на повышение уровня жизни, но и на перемены в политической системе страны.

График 4-4

Прогноз динамики ВВП Китая

Источник: JP Morgan, Bloomberg

Между тем, индекс HSBC PMI для промышленности уже четвертый месяц держится ниже 50 пунктов. В марте он упал до 48,1 пункта – наименьшего значения за этот период. Индекс объемов производства (февраль-2012 к февралю-2011) составил 10,2%, летом прошлого года он доходил до 15-16%. Компании нанимают меньше новых сотрудников; население, по признанию многих наблюдателей, оценивает экономические перспективы все хуже. В этих условиях не исключено, что власти Китая могут начать стимулировать рост. Это усугубит уже обозначившиеся риски и затянет переход к новой экономической модели.

Ощущение того, что китайская экономика вступила в непростые времена, укрепилось докладом Всемирного банка «Китай – 2030: строительство современного, гармоничного и креативного высокодоходного общества», презентация которого состоялась 27 февраля в Пекине. Президент World Bank Роберт Зеллик, представляя доклад, высказался весьма определенно: «текущая модель экономического роста Китая больше не является устойчивой». Главный вызов – так называемая ловушка средних доходов, когда вместе с их ростом (в 2011 году в КНР они составили \$5800 на душу населения) замедляется динамика производительности труда¹⁹. В результате Китай в

¹⁹ С 2009 года средняя зарплата китайского рабочего выросла на 50%. В дальнейшем это может подтолкнуть к уходу из КНР иностранных компаний. Пока же главный фактор роста издержек – укрепление юаня, из-за чего производство внутри Китая, по некоторым оценкам, с 2009 года подорожало на треть.

перспективе попадает в конкурентные клещи: с одной стороны, усиливается давление стран с низкими удельными трудовыми издержками, с другой развитых экономик с их прорывами в инновационно-технологическом развитии.

Всемирный банк предложил шесть стратегических направлений адаптации к этой ситуации: более полное и комплексное развитие рыночного хозяйства, то есть снижение роли государства и приватизацию госкомпаний; ускорение инноваций; ориентацию на «зеленый» экономический рост; развитие сферы социальных услуг (здравоохранение, образование, пенсионная система); модернизацию и укрепление национальной финансовой системы (включая урегулирование бюджетных долгов провинций, составляющих по разным оценкам от \$300 млрд. до \$2 трлн.); состыковку внутренних структурных реформ с изменениями в глобальной экономике. Потенциальные новые лидеры Китая уже выразили поддержку документу.

На фоне явного декаплинга глобального восстановительного роста все рельефнее обозначаются проблемы влияния изменений в регулятивной среде на экономическую динамику. Несмотря на усилия G 20 и МВФ, рекомендации по налогово-бюджетным консолидациям не стали обязательным стандартом. Это, скорее, искусство возможностей экономической политики, зависящее от очень многих обстоятельств и требующее немалой воли и терпения в достижении результатов, которые, по общему правилу, обнаруживаются лишь на среднесрочных дистанциях.

К настоящему времени довольно медленно, но относительно сбалансировано консолидации идут в США и отдельных европейских странах. На уровне Еврозоны в целом новому фискально-бюджетному пакту еще предстоит обрасти «плотью и кровью». На самых ранних стадиях консолидации находятся в Японии и большинстве развивающихся экономик.

Между тем, угроза нового обострения долгового кризиса не снята в среднесрочной перспективе. К 2017 году (оценка МВФ) уровень долга в G 7 достигнет 130% ВВП (в Японии превысит 256% ВВП, в Италии возрастет до 124% ВВП, в США будет близок к 113% ВВП). Совершенно очевидно также, что для снижения глобальных рисков США и Японии необходимо закрепление планов консолидации в законодательно оформленных среднесрочных стратегиях.

Вместе с тем, «медицинским» фактом стало негативное влияние налогово-бюджетных консолидаций на краткосрочный рост. Констатируя эту реальность, Кристин Лагард заявила в апреле текущего года: «Бюджетная корректировка необходима во многих странах, особенно с развитой экономикой. Но темпы ее имеют значение. Они должны соответствовать обстоятельствам конкретных стран ... Глобальное «слепое

бегство в строгую экономию» будет обречено на провал. Странам, которые, подобно США, имеют низкие издержки заимствования, не следует слишком торопиться».

Все более заметна и растущая сдержанность регуляторов многих стран в реальных действиях по сокращению бюджетных дефицитов и снижению долгов. Оно и понятно: «отключение» бюджетных стимулов усиливает риски неустойчивости роста и его торможения. В этих условиях роль главного стимулятора начинает играть денежно-кредитная политика центральных банков.

График 4-5

Средние номинальные и реальные
официальные процентные ставки центральных банков

Источник: расчеты ИКСИ на основе данных национальных центральных банков, МВФ

Примеров тому немало – это и два тура quantitative easing, предпринятые США, и сверхмягкая денежно-кредитная политика Японии и действия ЕЦБ, закачавшего в банки Еврозоны более 1 трлн. евро. Возможность смягчения монетарной политики, судя по сообщениям мировых СМИ, не исключают и в Китае. Результат, как известно, двояк: пространство маневра для рефинансирования государственных и частных долгов расширяется, но такой делевериджинг связывает внутри финансового сектора ресурсы, вроде бы предназначенные через расширение кредитования для реальной экономики. В результате требуются все новые стимулы. Растущее монетарное предложение, однако, усиливает инфляционные риски. Поэтому удельный вес вклада денежно-кредитной политики в поддержку роста жестко отмерен возможностью (или ее отсутствием)

удерживать инфляцию под контролем²⁰. Кроме того, эффективность вбросов ликвидности в экономику, как показывает опыт, снижается при их повторяемости.

Конечно, такая модель восстановительного роста имеет право на существование. Но она сильно растягивает сроки наступления стабилизации и приближает новый циклический кризис. В публичном обороте уже звучат оценки – новая глобальная рецессия наступит в 2017-2018 годы, причем на нее наложится наступление новой технологической «волны» с неизбежным обесценением многих и многих активов.

Восстановление через налогово-бюджетную консолидацию, конечно, заметно болезненнее и сопряжено с немалыми внутривнутриполитическими рисками. Но оно надежнее, в том числе и потому, что новые кризис и «волна» несколько отодвигаются, создавая дополнительное пространство для маневра. Нешуточная коллизия двух регулятивных практик и поиск их взаимодополнения, как представляется, будут определять в 2012 году как экономико-политическую повестку в отдельных странах-лидерах мирового хозяйства, так и в действиях по глобальному управлению в формате «Большой двадцатки» и т.п., в конечном счете направленных на реструктурирование глобального роста и перебалансирование общемирового спроса. Практический вывод из этого один – *в современных условиях уже невозможно проводить внутренние структурные реформы без учета и действий партнеров, и интересов, лежащих в их основе.*

---

²⁰ Классика жанра здесь – связывание дополнительной эмиссии длинными госбумагами. Именно так действуют ФРС и Банк Японии, подстраховывая рост доли долгосрочных обязательств на своих балансах еще и массивным привлечением на депозиты избыточной банковской ликвидности. В итоге в США порой наблюдается парадокс: денежная база растет быстрее денежной массы. Подобного эффекта пока не видно в Еврозоне. Программы LTRO ЕЦБ, удлиняя ресурсную базу банков и решая вопросы долгового рефинансирования, тем не менее, оказывают повышающее давление на рынки и подталкивают курс евро вниз.

III. Ресурсные экономики в переструктурировании глобального роста

Декаплинг послекризисной экономической динамики закономерно ведет к усложнению системы международных отношений, в которой, на мой взгляд, будет лишь усиливаться роль и удельный вес различного рода неформальных объединений, позволяющих в реальном режиме времени добиться как наиболее полного представительства национально-государственных интересов, так и их продвинутой и эффективной реализации в рамках балансирования позиций в том или ином «партнерском пуле».

Эта тенденция, как представляется, уже с очевидностью представлена в деятельности «Большой двадцатки», которая начав с сугубо антикризисной повестки быстро набирает потенциал, достаточный для того, чтобы в ближайшие годы стать стратегически важным инструментом долгосрочного реформирования мировой финансово-экономической архитектуры и демократического управления этим процессом. С каждым новым саммитом все нагляднее тренд распространения постоянно совершенствуемых в рамках G 20 «технологий» согласования интересов на все новые области – рынки труда и системы социальной защиты, экологические стандарты, продовольственную ситуацию в мире, вопросы международной энергобезопасности и т.п.

При этом сам механизм, дающий «на выходе» решение, касающееся всех участников, усложняется – предварительные «слушания» укрупненных «платформ» групп стран зачастую становятся предметом внимания других многообразных формализованных объединений и неформальных «клубов по интересам». Примеры тому – G 8, Евросоюз, БРИКС, АТЭС и т.п. Как правило, каждая из стран «двадцатки» входит в несколько таких организаций и «консультативных площадок». Причем обилие и интенсивность работы последних начинает сказываться в лучшую сторону на результативности действий структур с формальным членством: многие решения ЕС-17 по смягчению долгового кризиса принимались бы до сих пор, если бы не, например, подход БРИКС – пополнение фондов европейской финансовой стабильности только через процедуры МВФ²¹.

---

²¹ Заметим, что консолидированная позиция БРИКС сыграла существенную роль в решении (декабрь 2010 года) о 14-ом общем пересмотре квот МВФ, предполагающем их общее увеличение на 100%. В результате (процедура пересмотра должна быть завершена к январю 2013 года) Бразилия, Индия, Китай и Россия войдут в число крупнейших акционеров Фонда (причем Китай станет третьим по размеру квоты). Всего в пользу развивающихся стран должно быть перераспределено 6% долей квот. При этом доля БРИКС увеличится с 10,7% до 14,8%. Для беднейших государств-членов они останутся без изменений. К апрелю 2012 года по объявленному увеличению капитала Фонда на \$430 млрд. акционерами уже приняты обязательства на \$362 млрд.

Полагаю, что вышесказанное имеет прямое значение для РФ в усилиях по преодолению нефтегазовой зависимости, выход из-под дамоклова меча которой неотделим от изживания мифов о так называемом «ресурсном проклятии». Как известно, увеличивающаяся зависимость от сырьевого экспорта – это закономерное следствие слабости, а во многом и архаичности российской институционально-регулятивной среды²². При этом понятно, что «пересадка» чужих институтов на внутреннюю «почву» по сути вредна, так как срабатывает эффект «тканевой несовместимости». Ясен и выход из положения – *структурные реформы*, ориентированные на улучшение инвестиционного климата (включая создание более комфортных условий для вложений в человеческий капитал), модернизацию финансовой системы, защиту частной собственности, развитие и укрепление конкуренции, снижение доли государства в экономике, обретение нового облика социальных секторов (с первоочередным реформированием пенсионной системы, поскольку население в РФ постарело прежде, чем разбогатело), формирование инновационно-технологических кластеров с учетом задач пространственного развития и т.п.

Важно, однако, иметь в виду, что искомая на этом поприще синергия в виде нового качества институтов всегда будет неполной вне учета международного измерения проблемы. Поэтому абсолютно обязательным является *активное российское участие в институциональном оформлении сдвигов в структурах всемирного разделения труда и глобальной экономики в целом*.

Маршруты движения здесь самые разные. Это и присоединение к существующим международным организациям с формальным членством (уже завершённое в случае с ВТО и планируемое для case OECD), и создание новых договорных объединений в ходе углубления интеграции на постсоветском пространстве²³, и обладающее, пожалуй, не меньшим потенциалом влияния на развитие внутренних институтов участие в разного рода неформальных «площадках», предполагающих контакты высокого и высшего политического уровня.

Из экономической истории хорошо известно: *практика, применяемая некоторое продолжительное время (от 5 лет), сама становится институтом*. Новейший пример тому - БРИКС²⁴, само существование которого означает, что в мировом раскладе появился

---

²² См. подробнее экономическую часть доклада ИНСОР «Обретение будущего. Стратегия-2012»

²³ По оценке Центра интеграционных исследований Евразийского банка развития, суммарный накопленный эффект от создания ЕЭП и последующего присоединения к нему Украины за период 2011-2030 годов может достичь \$1,1 трлн. (в ценах 2010 года).

²⁴ Аббревиатура БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай) появилась в 2001 году как краткое обозначение перспективной инвестиционной идеи вложений в бумаги группы стран с быстро развивающимися экономиками. Её автор – аналитик Goldman Sachs Джим О'Нейл.

новый крупный игрок, последовательно продвигающий не только свои экономические интересы, но и заявляющий коллективную позицию по политической повестке. При этом БРИКС намеренно не обрастает бюрократическими структурами типа постоянного секретариата и т.п., но делает упор в решении имеющихся в современном мире проблем на многостороннюю дипломатию.

Принятая в марте текущего года на очередном саммите Делийская декларация четко расставляет приоритеты. Прежде всего, речь идет о повышении эффективности усилий институтов глобального управления на основе «расширения представительства в них стран с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся стран». Для этого необходимы коррекция форматов «Группы двадцати»; повышение уровня исполняемости ее решений; завершение реформы системы квот и управления в МВФ; уточнение полномочий Всемирного банка в рамках его эволюции из посредника между Севером и Югом к «институту, поощряющему равноправное партнерство между всеми странами».

Это лишь несколько примеров из документа, каждый из 50 пунктов которого определяет отношение БРИКС практически ко всем актуальным вопросам устойчивого развития. При этом страны-участницы исключительно последовательны в реализации собственных решений.

Год назад на встрече в городе Санья (Китай) был принят меморандум о сотрудничестве финансовых госорганизаций в использовании национальных валют во взаиморасчетах «в целях развития взаимной торговли и диверсификации глобальной монетарной системы». 29 марта 2012 года соглашения об общем порядке открытия кредитных линий в национальных валютах БРИКС и подтверждении аккредитивов в рамках механизма межбанковского сотрудничества (то есть, обязательство приоритетного обслуживания транзакций банков соответствующих стран) подписали российский

Первый полноформатный саммит БРИК состоялся в 2009 году в Екатеринбурге (теперь такие встречи стали ежегодными). Зимой 2011 года к группе присоединилась ЮАР, и название изменилось на БРИКС.

Государства БРИКС в совокупности занимают 30% территории Земли, объединяют 40% населения планеты, почти 20% мировой экономики и 15% международной торговли. По оценкам МВФ, до 2015 года именно страны БРИКС будут выступать локомотивом мирового экономического роста. Доля стран БРИКС в мировом ВВП с 2000 по 2010 год возросла с 8,4% до 18 %.

Мировой ВВП с 2000 по 2010 год возрос почти вдвое, развитые страны увеличили валовой продукт лишь на 61%, а экономики стран БРИКС - в 4,2 раза. При этом в докладе МВФ, представленном летом прошлого года, отмечается, что наиболее стремительный рост в странах БРИКС, произошел за последние 5 лет. Лидером здесь стал Китай (рост ВВП на 160%, доля в общемировом ВВП 9,3%), затем следует Бразилия (135%, доля 3,3%) и Россия (92%, доля 2,3%).

Аббревиатура BRICS (Brazil, Russia, India, China, South Africa) очень созвучна английскому bricks – кирпичи, класть кирпичи. Звуковая ассоциация и стала поводом для аналогий еще только приобретающего контуры экономического и финансового (пока еще неформального) объединения группы стран с архитектурными объектами, конструкциями и их элементами.

Внешэкономбанк, Банк развития КНР, экспортно-импортный банк Индии, национальный банк социально-экономического развития Бразилии и банк развития Южной Африки.

В практической жизни это будет означать расширение взаимных торговых потоков (в настоящее время товарооборот России со странами БРИКС составляет около \$100 млрд. и ежегодно прирастает более чем на треть) на основе реализации крупных многосторонних проектов. Причем, прежде всего, это коснется поставок инвестиционных товаров.

Напомним, что пока у России взаиморасчеты в национальных валютах по широкому кругу позиций проходят лишь с Китаем. Договоренности с Индией распространяются на торговые расчеты, что же касается инвестиционной деятельности, то это задача на перспективу. По словам председателя ВЭБа Владимира Дмитриева, для этого странам придется, как минимум, синхронизировать валютное и банковское законодательство. РФ и КНР на это потребовалось три года. Понятно, что главные бенефициары соглашения о коллективном валютном свопе – это страны с уже солидным объемом взаимного торгового оборота, то есть, Россия и Китай, Россия и Индия. Наши валютные и торговые обороты с Бразилией и Индией относительно невелики. Тем важнее новые открывающиеся возможности.

Следует также иметь в виду, что делийские соглашения позволяют укрепить авторитет и повысить международный вес национальных валют БРИКС. Financial Times на этот счет без обиняков написала: «договорившись предоставлять кредиты в своих национальных валютах, члены БРИКС получили возможность уменьшить зависимость от доллара в торговле между собой».

Саммит в Нью-Дели – дал старт еще одной крупной инициативе – изучению возможности создания нового Банка развития в целях мобилизации ресурсов для проектов в области инфраструктуры и устойчивого развития в странах БРИКС и других развивающихся странах с формирующейся рыночной экономикой. В пункте 13 Делийской декларации²⁵ говорится: «Такой Банк дополнил бы уже прилагаемые усилия международных и рейтинговых финансовых институтов, нацеленные на глобальный рост

---

²⁵ Декларация включает в себя и «Делийский план действий», который состоит из почти двух десятков пунктов, предусматривающих проведение в текущем году встреч различных министров, конференций и семинаров, в том числе и во время совещаний «Группы двадцати», ВБ и МВФ. Среди намеченных к обсуждению и требующих выработки общих подходов определены вопросы, касающиеся развития агропромышленного комплекса и продовольственной безопасности, здравоохранения, экономики и торговли, окружающей среды и климата, национальной безопасности, налогов и финансов, биржевой торговли.

В документе обозначены также новые области сотрудничества в рамках для изучения (пункт 17), в числе которых разработка общей научной оценки и долгосрочной стратегии БРИКС, диалог о молодежной политике государств, многостороннее энергетическое сотрудничество и вопросы, связанные с народонаселением.

и развитие». Там же сформулировано и поручение министрам финансов «изучить реализуемость и жизнеспособность подобной инициативы, создать совместную рабочую группу для ее совместной проработки и представить доклад к следующему саммиту». Выводы, естественно, в первую очередь будут зависеть от того, насколько интенсивно станет складываться в БРИКС взаимодействие вокруг крупных инвестиционных проектов на многосторонней основе, предполагающих в том числе обмен технологиями и их коммерциализацию²⁶ с учетом возможностей кредитных линий и расчетов в национальных валютах.

Сегодня уже общепринято, что возрастание роли нынешних развивающихся стран в глобальной экономике – это длинный исторический тренд. Есть прогнозы, согласно которым к 2050 году «коллективным лидером» рах еsonomіса станут США, Индия, Китай, Япония, Германия, Россия и Бразилия, на долю которых выпадет едва ли не 70-75% мирового ВВП.

Конечно, возможны изменения в «сценарии», поскольку фатальной предопределенности в рыночной конкуренции не бывает по определению. Все члены БРИКС, например, либо уже пребывают в «ловушке средних доходов» (Россия, Бразилия, Китай), либо стремительно к ней приближаются²⁷ (Индия, ЮАР). Клеши двойной конкуренции за счет инноваций в развитых экономиках и низких трудовых издержек в странах с формирующимися рынками – неслабый вызов, на деле подталкивающий БРИКС к расширению и усугублению взаимного сотрудничества и, что очень немаловажно, *освоению навыков коллективного лидерства и «мягкой силы».*

Как уже сказано выше, в условиях реально многополярного мира гибкие неформальные объединения стран вокруг совпадающих или близких стратегических интересов существенно трансформируют привычный облик системы международных отношений. БРИКС – один из наиболее заметных элементов этой «новой нормальности». Потенциал «кирпичей» возрастает²⁸. И это уже геополитический факт.

---

²⁶ Исходя из этого Россия предложила запуск проектных платформ БРИКС, идея которых была поддержана в ходе министерской встречи, прошедшей 28 марта 2012 года в Нью-Дели. Первой из них может стать платформа «Медицина будущего» на базе технологической платформы в Томске с участием компаний и научных организаций России, Индии и Китая.

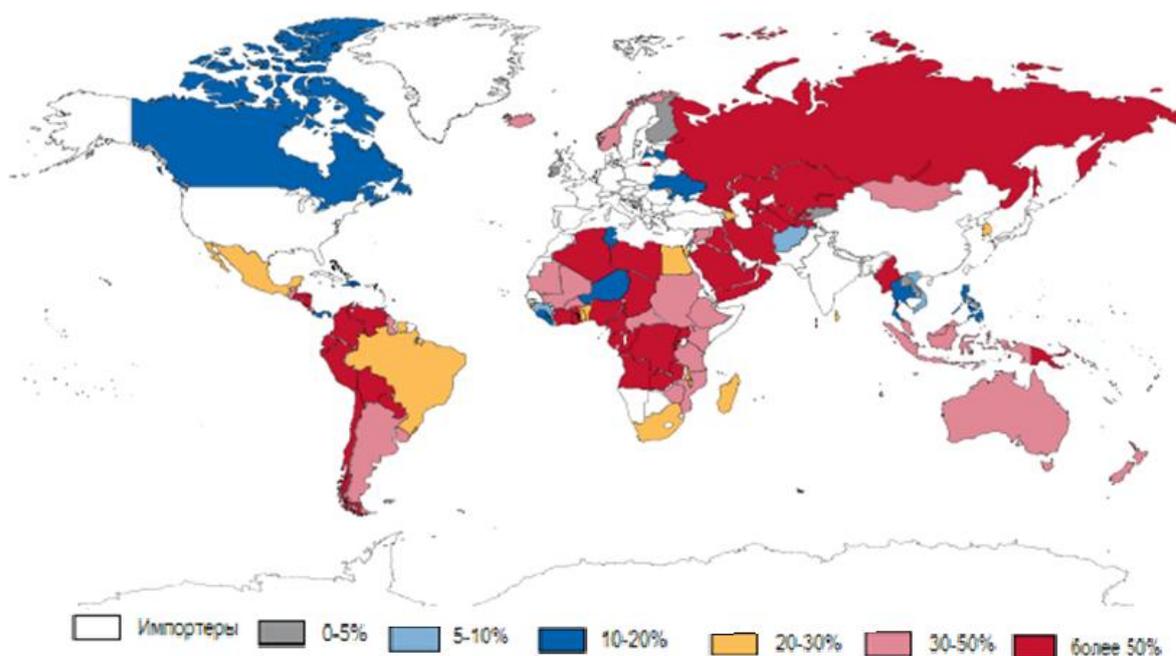
²⁷ ВВП на душу населения (по паритету покупательной способности), согласно оценкам Bloomberg, в 2010 году составил в России \$19840, Бразилии – \$11270, Китае – \$7599, Индии – \$3582.

²⁸ Глава Goldman Sachs Asset Management Джим О'Нейл, десять лет назад придумавший аббревиатуру БРИК как инвестиционный бренд в начале 2012 года предложил клиентам Growth 8 («растущую восьмерку») в состав которой вошли: Китай, Россия, Индия, Бразилия, Турция, Мексика, Южная Корея и Индонезия. Не исключено, что эта идея тоже может оказаться плодотворной.

У России, однако, есть и другие возможности, которые стоило бы использовать с учетом уже накопленного опыта. Важным элементом международной повестки, на мой взгляд, может стать *поиск форматов согласования интересов и формулирования коллективных позиций стран с так называемыми «ресурсными экономиками»²⁹*.

Рисунок 3-1

Доля сырья в экспорте отдельных стран, %

Источник: IMF, *World Economic Outlook*, April 2012

Оговоримся сразу, что само это понятие еще не вполне устоялось. Но ряд признаков, определяемых особым местом таких стран в международном разделении труда, уже вполне сложились. В их числе:

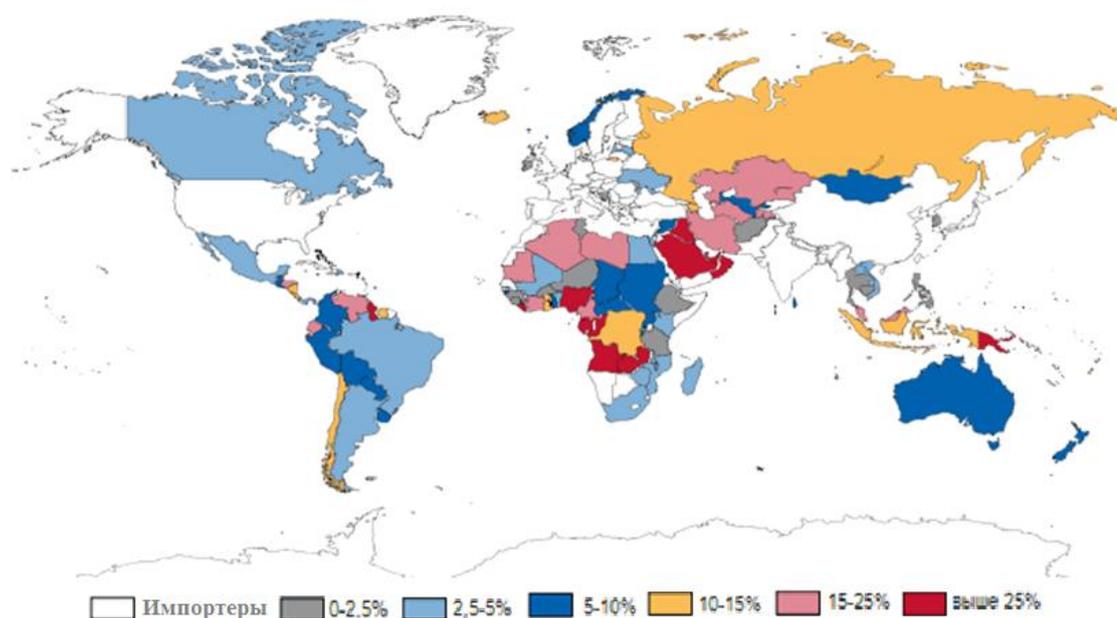
- ✓ высокая концентрация природных (прежде всего, минерально-сырьевых и энергетических ресурсов);
- ✓ мощная добывающая промышленность, которой для развития с учетом региональных диспропорций требуются возрастающие объемы прямых частных (в том числе иностранных) инвестиций и постоянный технологический и кадровый трансфер;
- ✓ сильные позиции на профильных мировых рынках;

²⁹ См. Подробнее: Н.Масленников «Глобальная экономика – развилки структурного кризиса», М., ИНСОР, декабрь 2011, 24 с.

- ✓ объективная потребность в существенно более масштабной и глубокой диверсификации экономик, кластерный принцип реализации соответствующих национальных стратегий;
- ✓ относительная (на фоне других государств) устойчивость финансовых систем и национальных валют³⁰;
- ✓ высокий риск обесценивания активов вследствие новой технологической волны и в связи с этим политически выраженная ориентация долгосрочного развития на радикальное повышение ресурсоэффективности.

Рисунок 3-2

Доля экспорта сырья в ВВП отдельных стран, %

Источник: IMF, World Economic Outlook, April 2012

Высокий уровень сопоставимости объективных условий социально-экономического развития и функций этих стран в глобальной экономике, как представляется, может стать основанием для регулярных консультаций и, возможно, выработки коллективных позиций по широкому кругу вопросов, представляющих взаимный интерес. Уже сейчас, по моему мнению, *можно констатировать наличие нескольких элементов такой общей повестки.*

³⁰ В доказательство этого тезиса эксперты МВФ (для стран-нефтеэкспортеров) проводят сопоставление отдельных усредненных макропоказателей за период 1980-2000 годов и с начала XXI века. В первом случае для всей группы стран средние темпы роста ВВП составили 2,5%, соотношение госдолга и ВВП – 63,9%, среднегодовой прирост инфляции – 14,4%. С начала 2000-х годов ситуация существенно изменилась: эти показатели насчитывали уже 4,6%; 24,1% и 6,6% соответственно.

Во-первых, это определение форматов и создание механизмов коллективных действий (в перспективе, может быть, общих «стандартов поведения») по сглаживанию волатильности цен на так называемые «биржевые товары» (в первую очередь речь идет о нефти, основных металлах, сельскохозяйственном и продовольственном сырье).

Для этих целей уже организована рабочая группа G 20. Однако, как показывает опыт, эффективность деятельности подобных «образований» едва ли не решающим образом зависит от предварительного выравнивания позиций стран-участниц, выступающих в том числе на стороне предложения commodities.

Во-вторых, прогнозирование изменений объемов и структуры мирового потребления сырьевых и энергетических ресурсов с учетом перемен в моделях экономического роста отдельных групп стран (как минимум один коллективный прогностический центр такого рода мог бы быть размещен в РФ).

В-третьих, формирование стабильного и рационального предложения сырьевых и энергетических ресурсов в условиях нарастающих экологических ограничений и усиления тенденций на национальных и глобальном уровнях к повышению ресурсоэффективности.

В-четвертых, развитие многостороннего инвестиционного сотрудничества на фоне усложнения условий добычи, транспортировки, транзита, расширения общих потребностей в интенсивном трансфере высоких технологий и наиболее полном раскрытии инновационного потенциала соответствующих отраслей и кластеров на основе максимальной диверсификации ресурсных экономик, включающей обмен активами и переплетение собственности.

Стоило бы также иметь в виду не раз высказывавшуюся в международном экспертном сообществе идею выработки для группы стран-экспортеров сырья Инвестиционного кодекса, который был бы направлен в том числе на выравнивание условий конкуренции (сближение налоговых режимов, норм экологических стандартов, административных правил, техрегламентов и т.п.).

В-пятых, вопросы международной торговли продукцией высоких переделов нефте- и газопереработки, нефтегазохимии и т.п.

В-шестых, взаимодействие в сфере создания инфраструктуры формирующегося нового глобального рынка сжиженного природного газа.

В-седьмых, определение общего подхода к стандартам классификации запасов, их оценке, процедурам пересмотра и т.п., унификация или сближение (на первых этапах) национальных законодательств о недрах и недропользовании (кадастры недр, горные кодексы и др.). Как показывает практика, такое взаимодействие создает дополнительные стимулы для взаимных потоков прямых частных инвестиций и обеспечения равенства

условий в конкуренции юрисдикций (минимизации так называемого «регуляторного арбитража»).

Еще один предмет сотрудничества в правовой сфере – мониторинг национальных законодательных решений по противодействию искусственному манипулированию сырьевыми рынками³¹.

Реализация такой повестки (она, естественно, носит самый предварительный характер) потребует и гибких, прежде всего, неформальных организационных форм многостороннего диалога стран с «ресурсными экономиками». *Образование такого «клуба по интересам», в полной мере соответствующая тенденции к демократизации международных отношений, могло бы стать одним из результатов российского председательства в 2013 году в «Большой двадцатке».*

* * *

Fortis imaginatio generat casum.

Как говорили в Древнем Риме, сильное воображение порождает событие. Строго говоря, после этого следует ограничиться многоточием. Вопросы, поставленные в докладе, лишь только начинают негладкий путь к их решению. Но они уже прорастают в целеполагании экономических трансформаций, необходимое время для которых в XXI веке с десятилетий, требовавшихся совсем недавно, стремительно уплотняется до всего лишь нескольких лет. России никак нельзя разминуться с этим сроком, ей нужно успевать по предмету, который можно назвать «образом желаемого будущего» ресурсных свойств национального хозяйства.

Для этого предстоит продумать и осуществить собственный «ресурсный маневр», вписав его в формирующуюся на глазах новую структуру общемирового роста, и закрепив институционально практикой многостороннего регулярного взаимодействия со странами-партнерами, имеющими сходные и близкие интересы в новом глобальном экономическом позиционировании.

---

³¹ Последний пример такого рода – представленный Барак Обамой в Конгресс США законопроект, предполагающий увеличение штрафов за незаконное манипулирование на рынке топлива до \$10 млн., расширение штатов и полномочий Комиссии по срочной биржевой торговле, улучшение доступа граждан к информации этой организации и т.п.